
Золотое Перо Дьявола
МИСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ
ЗДЕСЬ ОСТАЁТСЯ ТО, ЧТО НЕЛЬЗЯ ВЕРНУТЬ
Алексей Пиховских

Алексей Тихоньких

Золотое перо дьявола

https://litres.ru/74546243
SelfPub; 2026

Аннотация

Андрей Сергеевич случайно оказывается в загадочном магазине, где продают не вещи, а исполнение самых сокровенных желаний. Здесь можно вернуть молодость, избавиться от мучительных воспоминаний и начать жизнь заново. Нужно лишь подписать договор золотым пером — собственной кровью.

Но за каждый подарок приходится платить. И цена становится особенно страшной, когда на одной чаше весов оказываются прожитые годы, а на другой — память, любовь и судьбы самых близких людей.

«Золотое перо дьявола» — мистическая повесть о человеческих желаниях, неизбежности выбора и той невидимой границе, за которой надежда превращается в сделку, а возможность изменить прошлое грозит лишить человека самого дорогого.

Алексей Тихоньких
Золотое перо дьявола

ГЛАВА ПЕРВАЯ
Открытие


У НАС ЕСТЬ ВСЁ,
ЧЕГО ВАМ НЕ ХВАТАЕТ
ДЕСЯТЬ ЛЕТ
МОЛОДОСТИ

О новом магазине город заговорил за три дня до его открытия.

Сначала на центральной улице остановилось движение. Возле старого здания, первый этаж которого пустовал уже несколько лет, появились два огромных грузовика. Они перегородили проезжую часть, водители сигналили, автобусы не могли подъехать к остановке, а полицейский, прибывший навести порядок, почему-то долго разговаривал по телефону, после чего сел в машину и уехал.

Никто не видел, что выгружали из грузовиков. Чёрные борта плотно примыкали к дверям здания, а окна бывшего магазина были закрыты чёрной плёнкой. Рабочие трудились молча. Они не курили, не ругались, не перекликались и двигались с такой слаженностью, будто много лет репетировали каждое движение.

К вечеру грузовики исчезли.

Утром на фасаде появилась вывеска. На чёрном фоне золотыми буквами было написано:

«У НАС ЕСТЬ ВСЁ, ЧЕГО ВАМ НЕ ХВАТАЕТ».

Ни названия, ни часов работы, ни фамилии владельца. Только эти слова, выведенные золотыми буквами на чёрном фоне.

Городской шум, обычно бессмысленный и равнодушный, словно обрёл тему. О магазине говорили в автобусах, на рынках, в очередях, в учреждениях. Одни утверждали, что там

будут продавать дорогую косметику. Другие ждали появления нового медицинского центра. Третьи считали происходящее рекламой очередной финансовой пирамиды.

В социальных сетях появилась фотография вывески. К вечеру под ней было несколько тысяч комментариев.

«Мне не хватает денег».

«А мне совести моего начальника».

«Продайте нормального мужа».

«Если у них есть здоровье, пусть выпишут моей матери».

«Очередной развод мошенников».

Последний комментарий набрал больше всего одобрений.

Андрей Сергеевич узнал о магазине от соседки. Она подкараулила его возле лифта и, понизив голос, сообщила:

— Говорят, там молодость продавать будут.

— Чего только теперь не продают, — ответил он.

— Я серьёзно.

— А я разве смеюсь?

Соседка внимательно посмотрела на его лицо, словно пыталась определить, сколько лет молодости ему следовало приобрести.

— Открытие завтра в десять.

— Обязательно приду пораньше и займу очередь.

Он сказал это насмешливо, но назавтра вышел из дома в половине десятого.

Андрей Сергеевич убеждал себя, что просто идёт гулять. Погода стояла хорошая, до центральной улицы было не боль-

ше двадцати минут, а сидеть в квартире с самого утра он не любил. Магазин его не интересовал. Ему было любопытно посмотреть на людей, готовых поверить любой нелепице.

Он даже прошёл мимо, не останавливаясь. Затем вспомнил, что собирался купить газету, и вернулся к киоску напротив.

Перед магазином уже собралась толпа.

Тротуар заполняли люди разных возрастов. Пожилые женщины пришли нарядными, будто их пригласили на торжество. Несколько девушек беспрерывно фотографировали себя на фоне вывески. Молодой мужчина в спортивном костюме держал за руку хромающего мальчика. Чуть поодаль стояла женщина в тёмных очках, хотя солнце скрывалось за домами. Она то и дело прикасалась к лицу, словно проверяла, на месте ли оно.

Андрей Сергеевич купил газету, но читать не стал.

Окна магазина по-прежнему закрывала чёрная плёнка. В ней отражалась толпа: расплывчатая, колеблющаяся, похожая на множество теней, собравшихся у входа в иной мир.

Ровно в десять двери распахнулись. Из магазина вышли четыре девушки. Разговоры мгновенно стихли.

Девушки были настолько красивы, что их красота поначалу казалась одинаковой. Высокие, стройные, с безупречной кожей и длинными волосами, они улыбались мягко и приветливо. Лишь присмотревшись, можно было заметить различия. Одна была ослепительной блондинкой, другая — ры-

жеволосой, третья — смуглой, с тяжёлыми чёрными косами. Волосы четвёртой отливали серебром, хотя лицо оставалось совсем юным.

Их платья больше открывали, чем скрывали, но никто из мужчин не позволил себе ни шутки, ни громкого замечания. Рядом с этими девушками люди неожиданно становились застенчивыми.

Девушка с пепельно-серыми волосами подняла руку.

— Дорогие друзья! Мы рады приветствовать вас в нашем магазине.

Голос у неё был негромкий, но его услышали даже стоявшие на другой стороне улицы.

— Сегодня каждый из вас сможет приобрести то, чего ему недостаёт. Молодость. Красоту. Здоровье. Любовь. Счастливое детство. Спокойную старость. Забвение. Уверенность в себе. Талант. Или второй шанс.

По толпе прокатился смех. Но он быстро затих: девушка продолжала улыбаться так, словно заранее знала, кто именно смеётся и почему.

— Перед посещением магазина просим ознакомиться с правилами. Мы не принимаем деньги, банковские карты, драгоценности и иные материальные ценности. Все покупки являются личными. Приобрести товар для другого человека невозможно. Передать свою покупку другому также нельзя. Цена определяется индивидуально. Сделка вступает в силу после подписания договора и расторжению не подлежит.

— А чем платить? — крикнул кто-то.

— Тем, что у вас есть.

— А если у меня ничего нет?

Улыбка девушки стала чуть шире.

— Пока человек жив, ему всегда есть чем заплатить.

Люди снова заговорили. Кто-то направился к дверям, кто-то поспешил отойти подальше. Мужчина со спортивной сумкой подвёл хромающего мальчика к девушке с пепельно-серыми волосами.

— Моему сыну нужна операция. Я отдам что угодно.

— Сожалею, — ответила она. — Вы можете приобрести здоровье только для себя.

— Но мне оно не нужно! Возьмите моё здоровье и отдайте ему.

— Мы не принимаем оплату за чужие покупки.

— Я же его отец!

— Именно поэтому вам кажется, что его жизнь принадлежит вам.

Мужчина побледнел.

— Да кто вы такие?

— Продавцы, — спокойно сказала девушка. — Мы всего лишь соблюдаем правила.

Андрей Сергеевич сложил газету.

Теперь он мог уйти. Более того, именно это и следовало сделать. Представление оказалось безвкусным, а организаторы — циничными людьми, использующими чужое отчаяние

для рекламы. Он сделал несколько шагов в сторону дома.

В этот момент с фасада бесшумно упала чёрная плёнка. За огромными витринами не было ни манекенов, ни одежды, ни привычных товаров. На чёрном бархате лежали небольшие золотые таблички.

ДЕСЯТЬ ЛЕТ МОЛОДОСТИ.
ЛИЦО, КОТОРОЕ ВЫ ВСЕГДА ХОТЕЛИ ИМЕТЬ.
ЖИЗНЬ БЕЗ БОЛИ.
СЧАСТЛИВОЕ ДЕТСТВО.
ЛЮБОВЬ БЕЗ СОМНЕНИЙ.
СПОКОЙНАЯ СТАРОСТЬ.

Андрей Сергеевич остановился возле первой таблички. За стеклом возникло его отражение. Седые волосы, глубокие складки возле рта, мешки под глазами. Пиджак сидел хорошо, рубашка была свежей, ботинки начищенными, но всё это уже не могло скрыть главного.

Он постарел.

Конечно, Андрей Сергеевич знал об этом и раньше. Он видел себя в зеркале каждое утро, чувствовал боль в коленях, поднимаясь по лестнице, замечал, как молодые женщины не останавливают больше на нём свой взгляд. Но только сейчас, глядя на золотые буквы, он впервые подумал, что старость, возможно, не является обязательной.

Рядом с его отражением появилось другое.

Мужчина стоял по ту сторону витрины. Высокий, стройный, в безупречно сшитом чёрном костюме. Густые тёмные

волосы были зачёсаны назад. Возраст определить не удавалось: ему можно было дать и тридцать пять, и пятьдесят. Лицо казалось красивым, хотя ни одна его черта по отдельности не запоминалась.

Мужчина посмотрел на Андрея Сергеевича и слегка поклонился. Затем указал на вход.

Андрей Сергеевич отвернулся. Он не собирался заходить и не верил ни единому слову. Он не нуждался ни в молодости, ни в объяснениях и всё же через несколько минут оказался внутри.

В магазине пахло дорогими духами и чем-то ещё — едва уловимым, металлическим. Такой запах иногда оставался на пальце после случайного пореза.

Толпа и городской шум исчезли за закрывшейся дверью.

Навстречу Андрею Сергеевичу вышел брюнет.

— Добро пожаловать.

— Я только посмотреть.

— Все сначала приходят посмотреть.

— Я не верю, что вы продаёте молодость.

— Это не имеет значения.

— Почему?

— Потому что вы уже вошли.

Мужчина протянул руку. Ладонь была холодной, но рукопожатие — неожиданно крепким.

— Вы владелец?

— Можно сказать и так.

— А как вас зовут?

— У меня было много имён. Но здесь меня обычно называют Хозяином.

Он говорил без улыбки, однако насмешка слышалась в каждом слове.

Андрей Сергеевич посмотрел в сторону витрины.

— Предположим, я захочу купить десять лет молодости. Сколько это стоит?

— Десять лет.

— Денег?

— Жизни.

Андрей Сергеевич усмехнулся:

— Значит, я стану моложе на десять лет, но умру на десять лет раньше?

— Вы удивительно быстро разобрались в нашей системе.

— Это бессмысленно.

— Почему же? Большинство людей готовы отдать годы старости за один день молодости. Мы предлагаем значительно более выгодный обмен.

— И многие соглашаются?

Хозяин посмотрел на двери, за которыми ожидала толпа.

— Все.

— Не может быть.

— Одни подписывают договор сразу. Другие возвращаются через неделю, месяц или двадцать лет. Но рано или поздно возвращаются все.

К ним приблизилась девушка с пепельно-серыми волосами. В руках она держала тонкую папку из чёрной кожи.

— Ваш договор, господин.

— Я ничего не покупаю, — резко сказал Андрей Сергеевич.

— Конечно, — ответил Хозяин. — Договор ни к чему вас не обязывает, пока вы его не подписали.

Девушка раскрыла папку.

На белом листе было напечатано имя Андрея Сергеевича, его дата рождения и домашний адрес. Ниже стояли слова:

«Желаемый срок молодости — десять лет».

— Откуда у вас мои данные?

— Вы принесли их с собой.

— Где?

Хозяин указал на его грудь.

— Здесь.

Девушка положила рядом с договором золотое перо. На его остром конце блеснула маленькая капля крови. Андрей Сергеевич машинально посмотрел на свою руку. На подушечке указательного пальца темнел свежий прокол.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Цена

ДЕВЯТЬ ЛЕТ

Андрей Сергеевич поднёс руку к глазам. Капля была совсем маленькой, почти чёрной. Он стёр её большим пальцем и увидел тонкий красный след.

— Что это значит?

— Ничего особенного, — ответил Хозяин. — Перо должно убедиться, что вы настоящий.

— В чём?

— В том, что вы человек.

— А кем же ещё я могу быть?

Хозяин слегка улыбнулся:

— Иногда к нам заходят те, кому здесь нечего предложить.

Андрей Сергеевич захлопнул папку.

— Вы не имели права брать мою кровь.

— Мы её не брали. Вы сами прикоснулись к перу.

— Я к нему не прикасался.

— Значит, оно прикоснулось к вам.

Девушка с пепельно-серыми волосами забрала папку и золотое перо. На её лице сохранялась приветливая улыбка, словно ничего необычного не произошло.

— Я могу уйти? — спросил Андрей Сергеевич.

— Разумеется, — ответил Хозяин. — У нас магазин, а не тюрьма. Мы никого не удерживаем.

Андрей Сергеевич посмотрел на дверь. Она находилась всего в нескольких шагах. За стеклом двигались люди, снару-

жи доносился приглушённый городской шум. Никто не мешал ему уйти, но он остался.

— Допустим, кто-нибудь подпишет такой договор. Что произойдёт потом?

— Он получит покупку.

— Сразу?

— А зачем откладывать удовольствие, если оно уже оплачено?

— И человек действительно станет моложе?

— Именно на столько лет, сколько приобретёт.

— Внешне?

— Не только. Молодость — это не отсутствие морщин. Это работа сердца, состояние сосудов, сила мышц, скорость реакции, зрение, слух, сон, желания. Мы не занимаемся дешёвой косметикой.

— А болезни?

— Исчезнут те, которых не было у покупателя в приобретённом возрасте. Последствия несчастных случаев и врождённые заболевания оплачиваются отдельно.

Андрей Сергеевич невольно прислушался к собственному сердцу. Оно билось немного быстрее обычного. В последнее время такое случалось даже после небольшой нагрузки.

— Предположим, человеку шестьдесят пять, — сказал он. — Он покупает десять лет и становится пятидесятипятилетним?

— Его тело становится таким, каким оно могло бы быть

в пятьдесят пять при наиболее благоприятных обстоятельствах.

— Что значит «могло бы»?

— Мы возвращаем возможности, а не повторяем ошибки.

— Память сохраняется?

— Если покупатель не пожелает расплатиться ею.

— Семья, имущество, документы?

— Молодость не меняет прошлое. Человек остаётся самим собой.

— Тогда где обман?

Хозяин посмотрел на него с искренним удивлением.

— Почему непременно должен быть обман?

Ответить Андрей Сергеевич не успел. Входная дверь открылась, и в магазин вошла женщина в тёмных очках, которую он заметил на улице. Вблизи она выглядела старше, чем ему показалось сначала. Ей было около пятидесяти. Возможно, немного больше. Светлые волосы были тщательно уложены, на шее блестела тонкая золотая цепочка, одежда казалась дорогой, но подобранной без всякого желания нравиться. Женщина шла быстро, почти решительно, и только руки выдавали её волнение.

К ней приблизилась рыжеволосая продавщица.

— Добро пожаловать. Что вас интересует?

— Красота.

Женщина произнесла это так, будто заранее выучила единственно правильный ответ.

— Какая именно?

— А разве она бывает разной?

— Конечно. Красота лица. Красота тела. Обаяние. Привлекательность. Молодость. Это разные товары.

— Мне не нужна молодость.

Она сняла очки.

Лицо её не было уродливым. Обычное лицо немолодой, уставшей женщины. Слишком крупный нос, тонкие губы, тяжёлые веки. Кожа оставалась ухоженной, но никакая косметика уже не могла скрыть возраст.

Андрей Сергеевич отвёл взгляд. Ему стало неловко, словно женщина разделась перед посторонними.

— Я хочу быть красивой, — повторила она. — По-настоящему красивой. Чтобы люди оборачивались. Чтобы мужчины, разговаривая со мной, забывали, что собирались сказать.

— Вы хотите изменить лицо или впечатление, которое оно производит?

Женщина задумалась.

— И то и другое.

— Это два разных товара.

— Разумеется. У вас даже красота продаётся по частям.

Рыжеволосая девушка не отреагировала на насмешку.

— Изменение внешности оплачивается годами жизни. Впечатление, которое вы будете производить, — способностью понимать, искренне ли вами восхищаются.

— Не поняла.

— Вы станете видеть восхищение, но не сможете отличить любовь от желания, искренность от лести и дружбу от зависти.

Женщина снова надела очки.

— Мне достаточно внешности.

— Пройдёмте.

Они направились к одному из столиков. Андрей Сергеевич ожидал, что Хозяин предложит ему удалиться, но тот, казалось, совершенно забыл о его присутствии.

— Здесь всегда можно наблюдать за чужими покупками? — спросил Андрей Сергеевич.

— Пока покупатель не потребует скрыть сделку.

— А если она возражает?

— Тогда вы ничего не увидите.

— Вы спросили её разрешения?

— Пока она не возражает. Если потребует скрыть разговор, вы перестанете его слышать.

Женщина села в кресло. Перед ней поставили зеркало в серебряной раме. Рыжеволосая девушка положила на стол несколько листов.

— Назовите себя.

— Надежда Викторовна Сафонова.

На первой странице появилось имя.

Женщина вздрогнула, но продолжила:

— Пятьдесят три года. Родилась двадцать второго ноября…

— Остальное нам известно.

Строки заполнялись сами. Буквы возникали на бумаге одна за другой, будто их печатала невидимая машинка.

— Посмотрите в зеркало, — сказала продавщица. — Представьте лицо, которое хотели бы иметь.

— Я не знаю, какое именно.

— Знаете. Каждый знает.

Надежда Викторовна сняла очки и долго смотрела на своё отражение. Сначала с недоверием, затем с неприязнью. Её пальцы коснулись щёк, подбородка, провели по складкам возле губ.

— Я не хочу быть похожей на кого-нибудь, — сказала она. — Не хочу чужого лица.

— Вы его и не получите. Мы не копируем людей.

— А морщины исчезнут?

— Вы покупаете красоту, а не молодость.

— Значит, останутся?

— Некоторые.

— Но я буду красивой?

— Несомненно.

На последней странице договора появилась новая строка: «Срок действия приобретения: до окончания жизни покупателя».

Надежда Викторовна прочитала её несколько раз.

— А цена?

— Девять лет.

Её пальцы замерли на краю стола.

— Девять лет жизни?

— Вашей жизни, — уточнила продавщица.

— Почему так много?

— Цена определяется не товаром, а покупателем.

— Другой женщине это могло бы стоить дешевле?

— Или дороже.

— От чего это зависит?

— От того, насколько сильно она хочет стать красивой.

Надежда Викторовна усмехнулась:

— То есть чем нужнее мне ваш товар, тем больше я должна за него заплатить?

— Именно так устроена любая торговля. Мы лишь говорим об этом честно.

— А откуда будут взяты эти девять лет?

— Из оставшейся жизни.

— С конца?

— У жизни нет конца, пока он не наступил.

— Вы знаете, сколько мне осталось?

— Да.

— И сколько?

— Сведения о продолжительности жизни покупателя разглашению не подлежат.

Надежда Викторовна резко поднялась.

— Вы хотите, чтобы я отдала девять лет, не зная, сколько у меня есть?

— Только так сделка сохраняет смысл.

— А если мне осталось восемь?

Рыжеволосая девушка молчала.

— Тогда я умру прямо здесь?

— Товар будет выдан полностью, — сказала она. — И полностью оплачен.

В магазине стало тихо. Даже звуки улицы перестали проникать сквозь закрытые двери.

Андрей Сергеевич посмотрел на женщину. Теперь он был уверен, что она уйдёт. Любой разумный человек должен был уйти после такого ответа.

Надежда Викторовна снова села.

— Дайте перо.

Девушка протянула ей золотое перо.

— Не торопитесь, — неожиданно сказал Андрей Сергеевич.

Женщина обернулась:

— Вы ко мне обращаетесь?

— Девять лет — это много.

— Не ваши.

— Но вы даже не знаете, сколько вам осталось.

— А вы знаете, сколько осталось вам?

Он не ответил.

— Вот видите, — сказала она. — Может быть, вы умрёте раньше меня и бесплатно.

Рыжеволосая девушка положила перед ней договор.

— Перед подписанием я обязана ещё раз напомнить: покупка является личной, возврату и обмену не подлежит. Приобретённая красота не гарантирует любви, верности, семейного счастья, успеха или изменения отношения конкретного человека. Вы приобретаете только внешность, соответствующую вашему представлению о красоте.

— Я поняла.

— Вы не сможете передать приобретение другому человеку.

— Поняла.

— Оплаченные годы восстановлению не подлежат.

— Я поняла!

В голосе Надежды Викторовны прозвучало раздражение. Она взяла перо. Игла прокололa ей палец, и на золотом наконечнике появилась капля крови.

Подпись легла на бумагу тонкой красной линией.

На мгновение погас свет.

Андрей Сергеевич решил, что ему показалось. Люстры продолжали гореть, за витринами двигалась толпа, продавщицы оставались на своих местах. Только зеркало перед Надеждой Викторовной стало совершенно чёрным. Женщина вскрикнула и схватилась за лицо.

Изображение вернулось. Она медленно убрала руки. Морщины не исчезли. Светлые волосы не потемнели, шея не стала гладкой, а руки сохранили возраст. Но лицо изменилось. Нос стал тоньше, подбородок — мягче, губы приобрели уди-

вительно красивую форму. Глаза, прежде скрытые под тяжёлыми веками, казались глубокими и яркими.

В ней не было искусственной молодости. Перед зеркалом сидела по-настоящему красивая пятидесятитрёхлетняя женщина.

Надежда Викторовна не дышала, потом коснулась щеки и улыбнулась.

От этой улыбки Андрей Сергеевич почувствовал почти физическое тепло. Он сразу понял, о чём она говорила: мужчина действительно мог забыть приготовленные слова, встретившись с ней взглядом.

— Это я? — прошептала она.

— Вы, — ответила продавщица.

— Не исчезнет?

— Срок действия указан в договоре.

Надежда Викторовна засмеялась. В её смехе смешались торжество, облегчение и что-то похожее на месть.

— Он пожалеет.

— Кто? — спросила девушка.

— Мой муж. Бывший муж. Он ушёл к женщине моложе меня на восемнадцать лет. Сказал, что я давно перестала следить за собой. Что рядом со мной он чувствует себя стариком. Теперь посмотрим, что он скажет.

— Скорее всего, то, что считает нужным.

Улыбка Надежды Викторовны дрогнула.

— Вы не понимаете мужчин.

— Вы приобрели красоту, — напомнила девушка. — Не власть над чужими чувствами.

— Мне хватит красоты.

Она поднялась и направилась к выходу. Возле двери остановилась перед большим зеркалом, ещё раз внимательно оглядела себя и расправила плечи.

— Девять лет, — сказал Андрей Сергеевич. — Вы действительно считаете, что оно того стоит?

Надежда Викторовна посмотрела на него. В её взгляде уже появилось новое выражение — снисходительное внимание красивой женщины к немолодому незнакомцу.

— Я прожила пятьдесят три года, не зная, что это такое, — ответила она. — Если мне дадут хотя бы один день, значит, я не переплатила.

Она вышла.

Толпа за дверями отступила. Люди замолкали, когда Надежда Викторовна проходила мимо. Мужчины оборачивались ей вслед. Девушки смотрели с любопытством и неприязнью. Кто-то поднял телефон, чтобы её сфотографировать.

Надежда Викторовна шла по улице, не замечая никого вокруг.

— Довольный покупатель, — сказал Хозяин.

— Вы украли у неё девять лет.

— Разве можно украсть то, что вам добровольно отдали?

— Вы воспользовались её отчаянием.

— На отчаянии держится половина человеческой торгов-

ли. Остальная половина — на зависти. Мы хотя бы предлагаем настоящий товар.

Андрей Сергеевич снова посмотрел на дверь. Ему казалось, что он пробыл в магазине несколько часов, хотя стрелки настенных часов показывали четверть одиннадцатого.

— Вы могли сказать ей, сколько осталось жить.

— Тогда это была бы уже другая покупка.

— Какая?

— Знание дня собственной смерти.

— И сколько оно стоит?

— Остаток спокойной жизни.

Андрей Сергеевич хотел рассмеяться, но не смог.

Хозяин подошёл к столику, на котором лежала чёрная папка.

— Вернёмся к вашему договору?

— Я не собираюсь ничего подписывать.

— Вы уже говорили.

— И повторю ещё раз.

— Повторение помогает человеку убедить себя в том, во что он не верит.

Хозяин раскрыл папку.

Имя, дата рождения и адрес Андрея Сергеевича оставались на месте. Строка «Желаемый срок молодости» была пустой.

— Раньше там было написано десять лет, — заметил Андрей Сергеевич.

— Вы ещё не решили.

— Это вы решили за меня.

— Мы предложили наиболее вероятный вариант.

— И ошиблись.

— Тогда впишите другой.

Золотое перо лежало рядом. Теперь его наконечник был чистым.

Андрей Сергеевич представил себя на месте Надежды Викторовны. Достаточно поставить подпись — и боль в коленях исчезнет. Спина снова выпрямится. Он сможет взбежать по лестнице, не хватаясь за перила. Вернётся глубокий сон, лёгкость движений, уверенность в собственном теле.

Десять лет. Не так уж много.

Когда человеку шестьдесят пять, пятьдесят пять уже не кажутся молодостью. Но это было бы возвращение в возраст, когда женщины ещё смотрели на него как на мужчину, а врачи не начинали каждую фразу словами: «В ваши годы…»

Он отступил от стола.

— Мне нужно подумать.

— Разумеется.

— Договор останется здесь?

— Наши договоры не покидают магазина.

— А если я не вернусь?

Хозяин закрыл папку.

— Тогда вы проживёте ту жизнь, которая у вас осталась.

— И сколько её осталось?

— Вы настойчиво пытаетесь получить бесплатно то, что продаётся в соседнем отделе.

Андрей Сергеевич направился к выходу.

— Один вопрос, — сказал он, уже взявшись за ручку двери. — Можно купить любое количество лет?

— Любое, которое вы способны оплатить.

— Даже один год?

— Даже один день.

— А двадцать лет?

Хозяин посмотрел на него так внимательно, что Андрей Сергеевич пожалел о своём вопросе.

— Можно и двадцать.

— Я спросил из любопытства.

— Разумеется.

— И я не обещаю, что вернусь.

— Молодость подождёт, — сказал Хозяин. — В отличие от вас, у неё впереди вечность.

Андрей Сергеевич вышел на улицу.

Городской шум обрушился на него сразу: автомобильные гудки, разговоры, звон трамвая, музыка из открытого окна кафе. Возле магазина по-прежнему толпились люди. Они расступились, ожидая увидеть перемены, и разочарованно отвернулись, обнаружив перед собой всё того же седого мужчину. Надежды Викторовны уже нигде не было.

Андрей Сергеевич пошёл домой, стараясь не смотреть на витрину. Золотые буквы всё же отразились в стекле сосед-

него здания:

ДЕСЯТЬ ЛЕТ МОЛОДОСТИ.

Дома он первым делом подошёл к зеркалу.

Потом достал из шкафа старый альбом и нашёл фотографию, сделанную двадцать лет назад. На ней он стоял у моря — загорелый, худой, с густыми тёмными волосами. Рядом улыбалась женщина, лицо которой он поспешно прикрыл ладонью.

Он долго смотрел только на себя. Десяти лет действительно было мало.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Счастливое детство



В ту ночь Андрей Сергеевич почти не спал.

Он убрал старый альбом обратно в шкаф, лёг, погасил свет, но через несколько минут снова поднялся. Выпил воды, открыл окно, постоял перед ним, вслушиваясь в редкие звуки ночного города. Где-то хлопнула дверь автомобиля. По асфальту торопливо простучали каблуки. На противоположной стороне улицы загорелось и почти сразу погасло окно.

Раньше Андрей Сергеевич любил это ночное одиночество. Ему нравилось думать, что город уснул, а он один ещё способен размышлять, вспоминать и строить планы. Но теперь тишина напоминала о том, что значительная часть жизни уже прошла.

Десять лет молодости стоили десяти лет жизни. Он пытался рассуждать здраво. Если ему суждено прожить до восьмидесяти пяти, после покупки он умрёт в семьдесят пять, но физически к тому времени будет выглядеть на десять лет моложе. Получалось, что оставшиеся годы он проживёт в более молодом теле.

Если до восьмидесяти — останется пять лет.

Если до семидесяти…

Эту мысль он не закончил.

Самое страшное заключалось не в цене, а в невозможности узнать, сколько лет осталось на его счету. Можно было приобрести десять лет, имея в запасе двадцать, а можно было отдать последние.

Андрей Сергеевич включил настольную лампу и снова достал фотографию, сделанную у моря. Женщина рядом с ним улыбалась, щурясь от солнца. Её звали Елена. Когда-то он был уверен, что они проживут вместе всю жизнь. Потом уверенность исчезла, а ещё через несколько лет исчезла и сама Елена.

Он не видел её почти пятнадцать лет. Неделю назад она позвонила. Сказала, что приехала в город на несколько дней и хотела бы встретиться. Голос у неё почти не изменился. Андрей Сергеевич сразу представил её такой, какой она стояла рядом с ним на фотографии: в лёгком белом платье, с собранными на затылке волосами.

Потом он вспомнил, сколько времени прошло. Они договорились встретиться в субботу. До субботы оставалось два дня.

Телефон, лежавший на столе, неожиданно ожил. Андрей Сергеевич вздрогнул. На экране высветилось имя дочери.

— Алло.

— Папа, ты не спишь?

— Уже утро.

— Половина второго ночи.

Он посмотрел на часы.

— Значит, они остановились.

— У тебя всё в порядке?

— Конечно. А что может быть не в порядке?

— Я звонила вечером. Ты не ответил.

— Не слышал.

— Где ты был?

— Гулял.

Дочь помолчала.

— Ты помнишь, что мы ждём тебя в воскресенье?

— Помню.

— Миша специально перенёс тренировку. Хочет показать тебе какой-то проект.

— Какой проект?

— Он тебе сам расскажет. Ты ведь придёшь?

— Если ничего не изменится.

— У тебя всегда что-нибудь меняется в последний момент.

— Анна, давай не будем начинать.

— Я не начинаю. Просто спрашиваю.

— Я сказал, что постараюсь.

— Хорошо. Спокойной ночи.

Она отключилась раньше, чем он успел ответить.

Андрей Сергеевич положил телефон экраном вниз. Разговор оставил неприятное чувство, хотя ничего особенного дочь ему не сказала. Он снова посмотрел на фотографию. Елена улыбалась из прошлого.

На следующее утро Андрей Сергеевич решил пройти по другой улице. Путь получался длиннее, но зато не нужно было идти мимо магазина.

Через двадцать минут он всё равно оказался перед его

дверями.

Позже он не смог бы объяснить, как это произошло. Возможно, задумался и свернул не туда. Возможно, хотел убедиться, что магазин не исчез за ночь. А может быть, с самого начала направлялся именно сюда, только не желал себе в этом признаваться.

Толпа стала меньше. Любопытных сменили покупатели. Теперь люди не смеялись и не фотографировали вывеску. Они стояли молча, избегая смотреть друг на друга. На лицах появилось выражение, знакомое каждому посетителю больницы: надежда, которую неловко обнаружить перед посторонними.

Андрей Сергеевич остановился у витрины.

Табличка с предложением молодости оставалась на прежнем месте. Он не собирался входить. Хотел лишь посмотреть, много ли людей поверило вчерашнему представлению.

Дверь открыла девушка с пепельно-серыми волосами.

— Доброе утро, Андрей Сергеевич.

— Вы меня ждали?

— Мы ждём всех.

— Я проходил мимо.

— Разумеется.

Она посторонилась.

Андрей Сергеевич вошёл.

Хозяин стоял возле дальнего столика и разговаривал с женщиной лет сорока. Рядом с ней сидела девочка-подро-

сток. На коленях она держала рюкзак и смотрела на мать с явным недовольством.

— Я же сказала: ты подождёшь на улице, — повторила женщина.

— Там все смотрят.

— Тогда посиди здесь и не вмешивайся.

— А долго?

— Не знаю, Катя.

Женщина говорила раздражённо, но Андрей Сергеевич заметил, как крепко она сжимает руку дочери. Девочка попыталась освободиться, однако мать не отпускала.

— Несовершеннолетние не могут участвовать в заключении договора, — сказал Хозяин.

— Она подождёт у двери.

— Я не маленькая, — возразила Катя.

— Тем более должна понимать с первого раза.

Девочка резко поднялась.

— Делай что хочешь.

Она выдернула руку и отошла к витрине.

Женщина проводила её взглядом. На лице на мгновение появилось сомнение, но тут же исчезло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.